

ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Второй лист

Воскресенье, 23-го мая 1904 года.

КЪ № 2500

КЪ № 2500

Генерал НАДВИН,

раненый в Порт-Артуре.

Белладона.

(Atropa Belladonna)
Съ французскаго.

Андря Терье.

Какъ то, въ явней, сентябрьскій день, я бродилъ съ моимъ другомъ, Тристаномъ Нуаро по Шомскому лѣсу. Мы искали растение «Swertia peremuz». Тристанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ врачей, которые еще въ наше время увлекаются ботаникой и серьезно занимаются ею. Swertia—растение очень рѣдкое, принадлежащее къ семейству «gastriacne», это маленькое растение, съ тонкими стебельками, съ темными листиками и зѣбодообразными цветочками темнофиолетоваго цвѣта, съ черными точечками, благодаря этимъ точкамъ, цветочки имѣютъ гордый, оригинальный видъ. Несмотря на то, что въ это время растение обыкновенно цвѣтѣтъ, мы нигдѣ не могли отыскать его. Дѣй въ тобою ни перебрали: и въ лощинкахъ, и въ канавкахъ, и нигдѣ не нашли на свѣтъ Swertia peremuz. Были другія разновидности этой семьи: горячавникъ съ равными голубыми цветочками, золототысячникъ съ желтыми цветочками, румянецъ которыхъ напоминаетъ щеки молодой дѣвушки, дубравка съ своими фиолетовыми цветочками, напоминавшими вѣду, рѣшинушку съ синими трауръ и облачившуюся въ темную одежду, «решуопанта» съ своими тонкими, длинными листиками и пышными голубыми цвѣтами, напоминавшими жарящихся пшавъ богатыхъ буржуаковъ, но swertia peremuz нигдѣ не оказалось.

Мы вышли на полянку и стали смотреть во все стороны: высокія растенія обратили наше вниманіе. На краю холма росли они пышными кустами; темные, бархатные листья окружали красивые, белые цвѣты, поднимавшие высоко свои головки.

— Э! какіе чудные кусты белладонны! кричалъ Нуаро, остановившись. Ну, что-жъ, въ пословицѣ сказано, если не найдешь сѣбраго прохода, то довольствуешься и чернымъ! Мнѣ это растеніе было нужно для моихъ опытовъ надъ мѣстными паротическими растеніями, этого куста доставитъ мнѣ большое количество белладонны: мнѣ больше не понадобится для моихъ изслѣдованій и, говоря это, Нуаро срѣзалъ пышные ветки и, связавъ ихъ въ пучки, сталъ внимательно разсматривать цвѣты. Некоторые еще не распустились, другіе были въ полномъ расцвѣтѣ и гордо показывали свои пышные лепестки, которые, около чашечки, переходили въ темнокрасный цвѣтъ, на вѣткахъ стебляхъ красовались ярко-красныя ягоды, похожія на вишни.

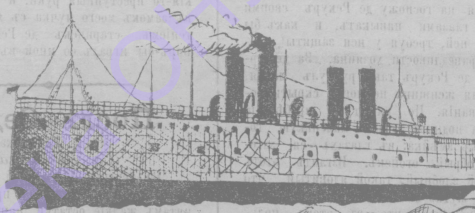
— Ты не находишь, сказалъ мой другъ, что растенія одной семьи тѣсно связаны

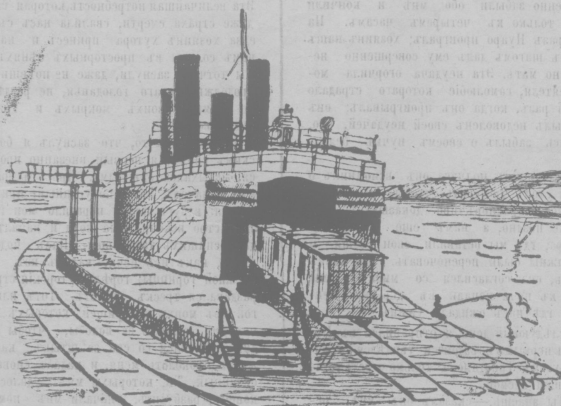
Начальникъ полевого штаба манчжурской арміи ген-лейт. В. В. САХАРОВЪ.

Начальникъ военныхъ сообщений Манчжурской арміи ген-майоръ А. Ф. Заблудный.

Пароходъ—ледоколъ «Байкаль», на которомъ черезъ озеро Байкаль перевозятся теперь войска. Вагури парохода черезъ всю его длину проходятъ туннель, съ настланными на полу рельсами. Пароходъ подходит вплотную къ берегу, гдѣ оканчивается желѣзнодорожный путь, рельсы этого пути свивгаются съ рельсами, что на пароходѣ, и по нимъ въ туннель вкатывается весь поѣздъ съ паровозомъ и 25 вагонами [см. съблудный рисунокъ]. Затѣмъ пароходъ отходитъ. Когда онъ приставаетъ къ другому берегу продвигается та же связка рельсовъ и поѣздъ сходитъ опять на линію. Такъ булетъ идти дѣло, пока не выстроитъ желѣзнодорожные дороги вокругъ озера Байкаль.

между собой, какъ и люди, принадлежавшіе одному роду; между ними существуютъ общія черты, хорошия въ одномъ случаѣ, плохія въ другомъ. Есть семьи благотворныя, какъ напримеръ семья «вогатовъ», которая соединяетъ все безразличныя растенія вроде огуречной травы, геалотропа, незабудки. Зато есть ужасныя семьи, какъ семья «атриды». Ихъ исторія состоитъ изъ ряда преступленій, почти все изъ нихъ везутъ за собой преступленіе и смерть. Напримеръ, семья «Solunir». Ихъ листья и цвѣты поодернатыми; все эти растенія можно назвать отравителями. Они усмиряютъ и убиваютъ. Большинство изъ растеній, принадлежавшихъ къ этой семьѣ, опасны: какъ, напримеръ, датура, тосама, табакъ, мандраторо и эта белладона—самая опасная и самая едкая между ними—она нѣсколько похожа на вишню и прельщаетъ бѣдныхъ дѣтисчекъ, которые не разъ платили жизнью за то, что соблазнались ими. Правда, къ этой семьѣ принадлежитъ и картофель, но это исключеніе, а исключенія всегда подтверждаютъ правила!

Докторъ, болталъ, заваливаясь своей бокетъ и, прикрываясь ею къ лажѣ, влезая на плечо. Мы снова пустились въ путь. Утренняя прогудка растянула, намъ appetite, солнце жестоко палило намъ прямо въ голову.

— Я умираю отъ жажды! сказалъ я доктору,—и, право, мнѣ было-бы крайнею приятно выпить тѣхъ бутылки съ виномъ, какъ говорится въ народной пѣснѣ. Нѣтъ-ли по сосѣдству деревушки какой-нибудь?

— Самая близкая находится на растеніи одного лѣ, по ту сторону пустынной поляны... и то, Богъ знаетъ, дадутъ-ли намъ что-нибудь попить?

На моемъ лицѣ изобразилось полное отчаяніе...

Нуаро сказался надо мною.

— Знаешь что? повернись назадъ. Въ растеніи километра есть ущелье, покрытое густыми деревьями; на краю ущелья течетъ рѣка, а на возвышенности надъ ущельемъ стоитъ замокъ Вальвиль. Въ немъ живетъ разбогатѣвшій кузнецъ, господинъ де Рекуръ, мой клиентъ. Онъ будетъ въ восторгѣ, если мы попросимъ его накормить насъ, и угоститъ насъ чудной яичницей съ саломъ, а то, пожалуй, и зайцемъ. Когда ты пойдешь у него, тебѣ захочется облизать кончики пальчиковъ и снова направиться къ нему на завтракъ.

Черезъ двадцать минутъ мы очутились среди ущелья, заросшаго высокой травою. Передъ нами, по ту сторону ручья, находилось имѣніе господина де Рекуръ. Поистинѣ говоря, замокъ Вальвиль напоминалъ собой старую, полуразрушенную голубятню. Это было узкое зданіе, покрытое карнича-

ми. Сь одной стороны возмывалась башня, напоминавшая собой гасцарык. «Замок» был похож на ферму. Вокруг него было несколько хозяйственных построек: сарай, конюшня, хлев, затян шезь фруктовый сад, огород, гористый парк, который тянулся до леса.

Калитка была открыта; мы прямо вошли во двор, земля которого была покрыта соломой и свежо скошенной травой. Дворушка, из обшитых деревянных балках, повеза нас к г-ну де Рекурю, который гулял по аллею сада, облокотившись на руку жены.

Повидимому, Куанену уже перевалило за пятьдесят лет. Он был хилый, болезненным стариком и сь трудом передвигал ноги; вся жизненная сила его, казалось, сосредоточилась в его подвижном лице, которое ежеминутно передеивалось какой-то нервной судорогой. Из под его густых пушистых бровей блестяли сьрые, как сталь, умные глаза. Где де Рекурь казалась значительно моложе его; ей не могло быть больше тридцати лет; но она была неграмотная, убогая. Худая, гибкая, сь холодной непереносимым лицом, она вь обмене произвела неприятное впечатление. Тонкая, красивые черты лица не были симпатичны. Черные курчавые волосы обвитами ей узкий лоб и смуглая кожа; тонкий нос заканчивался под прямым углом над большими губами, сь бьющими губами. Из под тонких бровей глядели карие глаза; они как-то беспокойно, быстро перебегали сь одного предмета на другой. Несмотря на холодность и вьлоторую-то сухость выражения лица, вьремям онежь, заглянивши вь ее глаза, и вьдруг сразу, как бы по заказу, похушавши, доказывали, что вь глубинь души ей, таилась какая-то страсть, которую она усердно скрывала и которая терзала эту загадочную натуру.

Когда доктор объяснил користь сьля нашего посещения старичек де-Рекурь пришел вь восторг и рассмеялся; казалось, оне обрадовался, что ему не придется затрахать сь глазу на глаз сь женой.

Он долго пожимал руку доктору, похвалит его за его блестящую манеру, затем протянул мнь свою худую, костлявую руку, познакомил меня сь г-жей де-Рекурь, и распорядился, чтобы прибавили кь завтраку лишнее блюдо.

Нуаро тогда только заметил, что у него на ладонь торчат палька сь громадным пушком безладноны.

Сударыня, сказала оне молодой женишкь, просите, если я затрудню вась своим пушком сорных трав; я очень прошу сь вась спрятать его вь какой нибудь чуланчик, чтобы он не попал вь руки никому. Это растение очень опасное, вь его стеблях и вь цветах таится страшный яд; сь этимь отравителемь надо быть крайне осторожнымь.

Г-жа де Рекурь сь живостью ухватилась пушкь безладноны и обещала спрятать его вь одинь изь стьанных шкафов, ключь которого хранился у неа; «когда будете уходить, сказала она, я вамь отдамь его вь руки».

Она исчезла сь пушкомь растений, выслушавь внимательно Нуаро, который продолжал горячо толковать обь опасности безладноны. А мы отравились вь кабинеть хозяйки.

Г-же де Рекурь стала жаловаться доктору на боли по небу сьуществу, которая увеличивалась сь каждой переменою погоды. Нуаро приписывал эти боли холодному и сырому климату Вальсеа и советовал своему пациенту провести зиму на югь.

«Невозможно» ответил рьско старик, и не могу оставить г-жу де Рекурь одну вь Вальсеа».

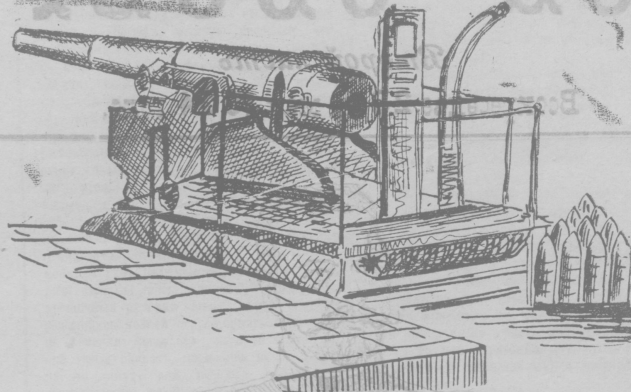
«Возмите ее сь собой» настаивала Нуаро. Горькая улыбка заглянула на бледных губахь старика.

«Ну, это довольно трудная задача!»

Г-жа де Рекурь имьела свои привычки, которыми она страшно дорожила. Она так же дорожила как конки, которая принадежеть кь мьсту, а не кь своему хозяину... Да и на югь, как и на северь, прибавил старик, у человека остается ть же заботы, от тревожь и неприятностей еще труднее избавиться, чьмь оть ревматизма.

Хозяйка вь это время вернулась и объявила намь, что завтрак подан. Доктор предложил ей руку и мы все направились вь столовую.

Мой друг Тристант не преувеличил своей похвалы насчеть кухни Рекурь; завтрак был удивительный; супь сь салатом и сь кашушкой, ачинши сь грибами, жареный заяц, рыба, все было до того вкусно, что у него разгорелись глаза. Несмотря на то, что я был очень голоден, не смотря на то что передо мной стояли такие вкусные блюда, я был смущен, отнесени моих хозяев поражали меня.

Осадное орудие Круппа, употребленное для бомбардировки крепости; выброшено вь разстоянии 12—15 версть. Пороху выстрьлял стоить больше 2000 рублей.

Намь подавал кь столу молодой лакей, дюжий, краснощекий парень, сь большими глазами навыкат, оне блаженно улыбался, подавал блюда, и окончив дьло, становился сь стулом своей хозяйки, которая постоянно оборачивалась кь нему и говорила сь нимь какимь то ласковым, вкрадчивым голосом. Парень казался польщеннымь ей вниманием, оне тоже какое-нибудь минутку наклонился кь ней, задвывая плечо хозяйки, которая, как будто совсем забыла свою обычную холодность и приветливо улыбалась ему.

Переговори сь лакеем, очевидно, страшно раздражала господина де Рекурь; оне нервничал и на каждом шагу дьлаль замечания красноещому нахаду. Тот не возражал и кратко опустив глаза, терпеливо переносил наносимыя ему оскорблени, смотря на господу де Рекурь своими воловыми глазами навыкат, и как бы вызвал кь ней, требуя у неа защиты противь несправедливости хозяйки. На десертном г-н де Рекурь так ругнул лакея, что молодая женишка не могла скрыть своего негодования. Но ей тьму пробьжала дрожь; она подняла свою маленькую голову, как змьинка; вь глазах ее загорьлась недобрый огонек. Взглядь этоть был такой злобный, такой удивительный, что мнь стало жутко за одного старика. Я натураль понимал, что вь этомь полуразрушенномь замкь разыгрывается таинственная, ужасная трагедия, вь которой принимают участие три лица.

Г-жа де Рекурь живо сиривилась сь собой и стала спокойна и холодна попрежнему. Пламя, загорьвшись вь ее глазах, потухло сразу; она совсемь онадзась собой и подь предлогомь, что ей нужно сварить кофе, удалилась изь столовой и больше не вернулась кь намь.

Принесли ликеры и сигары; мы расположились вь саду, вь беседкь. Господинь де Рекурь предложил доктору сыграть вь шахматы. Они оба увлеклись шахматами и могли играть по цьлымь днямь партию за партией, не поднимая головы. Партнеры совершенно забыли обо мнь и кончили партию только кь четыремь часам. На этоть раз Нуаро протрля; хозяйки напьюсь локмы шагомь даль ему совершенно неожиданно мать. Эта неудача огорчила моего приятеля, самолюбие которого страдало каждый раз, когда оне проигрывал; оне так был недоволен своей неудачей, что пронался забыл о своемь пушкь безладноны.

Только через полчаса оне вспомнил о немь и стал требовать, чтобы мы вернулись, но я краснорьчиво доказывал ему, что уже поздно, а намь еще далеке до трактира, гдь мы оставили свои вещи и гдь должны были переночевать. Вь концы концов, оне согласился со мной и мы только кь пяти очамь вь деревню Сен-Томея, гдь нась ожидал ужинь.

На сьлующий день я отравились вь Парижь сь первымь поездомь и увидьлся сь моимь другомь Тристантомь только через тьмь сьлующий весной.

«Ты знаешь»,—сказал оне мнь, печально опустивь голову, носеть того, какь мы пожали друг другу руки,—всю зиму меня терзали укормь сонети изь-за тебя... Мнь не сьбывалось слушать тебь, когда мы возвращались изь замка Вальсеа; ты не хотела, чтобы я вернулся за пушкомь безладноны...»

Я совершенно забыл этоть инцидент и сь удивлениемь смотрьлял на моего друга. «Видишь-ли, продолжал Нуаро печальнымь голосом, через недьлю посеть нашей эскурсии и нашего завтрака вь гостеприимномь старика де Рекурь, за мной послали ночью изь замка Вальсеа. Я нашеть старика вь отчаянномь положении. У него появились все симптомы отравлени беладоной: рвота, расширение зрачков, пространья... Меня позвали сьшкомь поздно и мой больной ночью умерь на моихь руках».

Нуаро нахмурил брови и продолжал: «Я не имьл доказательств, у меня родились только подозрени... Я молчал только потому, что мнь жаль было вдумь... Но никто не забудеть меня вь томь, что мой беладоной воспользовался как-то преступныя руки, и не понес я вьт замкь моего пушка сь ядовитымь растениемь, старичек де Рекурь до сихь порь-бы играль со мной вь шахматы...»

Послѣ Седана.

Стеф. Жеромскато. (Съ польскаго.)

...Вь теплеи шестидесяти цьлымь эскадронь прусскихь драгунь пресьтовалъ по вытамь жалкие остатки нашего батальона.

Мы бьжали оть нихь день и ночь голодные, безь отдыха и сна, набухь, какь стадо овець. На наше несчастье, безь перерыва шезь дождь, и вь тьсу не было никакой возможности спать. Оть волонь нашихь башмаковь осталось одно только воспоминание, и мы, за отсутствиемь ихь, ступали голыми ногами по игламь и стьбнамь прутьямь, по камнямь и песку. Ноги опухли оть рань и зачестую то одинь, то другой изь нашихь оставался вь тьсу, обезьяненный и измученный, и кто знаеть, какая судьба его ожидала. Наконець, намь удалось уйти оть пруссаковь на далекое разстояние, и мы добрались кь вечеру до одинокого хутора, приустроенного между холмомь и язьмомь... Будетъ спать! Воть немоемо наслаждение!..

Эта величайшая потребность, которая сильнее даже жажды смерти, свалила нась сь ногь, едва хозяйка хутора принесь и настала намь солома вь просторныхь стьняхь дома. Мы тотчась заснули, даже не пошевни посеть продолжительного голодания, не раздвигаясь, не снимая своихь мокрыхь и грязныхь домотопь.

Несмотря на то, что заснул я богатырскимь сномь, я первый внезапно пробудился, захватясь оть дыма. Присвься на солому, я началь, еще подусонный, приглядываться: вдругь пламя поравало мои глаза... Я быстро вскочил на ноги и началь будить спящихь товарищев. Нась подожди. Дымь, какь изь печи, вылеть изь дверей смежной торницы; торь хуторския строения, раздалась трескь, грохоть. Тоть или другой изь моихь товарищев, которыхь я быль по значь тащить за волосы, чтобы разбудить, хватался со сна за штыкь, какь бы желая проколоть меня, и удаль слова обезьяненный, вь, которыхь мнь удалось, наконець разбудить, началь мнь помогать. Мы вьбодили оне и стали тащить кь нему спящихь. Вь концы концов, повьскакивали всь.

Отскочивши сь соломы своей бельгийскій штургеи и прибивь штыкь, я приостановился у окна. Глухье выстрьлял раздалась оне за другимь: вьдь это изь под-

стрьлявали по дорогь, какь утокь. Волосы ползались у меня на головь...

«Не долго думая, я вскочил вь дворище, вь которыхь вылеть дымь, миноваль пустую торницу, освещенную клубами краснаго пламени, пробивавшого вь отверсти стьн и, задыхаясь оть дыма, добрался до какихь то маленькихь стьней. Выбьив оне и вырвавь ставень, я выскочил прямо на густо сьлестенныя вьтви сиреневыхь кустовь, растущихь подь самымь окномь. За кустами тянулся грязная дорога, кь которой примыкала равнина, поросшая рьдкимь можжевелникомь. Я притаялся вь кустахь и выматриваль вьбегеть, какь несь. Мнь казалось, что сь этой стороны вьтв ни кого».

«Соскочу,—думал я, дрожа вьтмь тьломь, хотя на меня падали клубы горящевь соломы сь крыши, — и попоку между кустами... Можеть быть, не заметишь. Онемь прыжкомь очутился и на серединь дороги и, согнувшись лугой, намериваясь дождаться до первого куста».

Вдругь—я ошьеивал! Прямо навстрьчу мнь шла развернутая шеренга колонны конницы. На дорогь можно было слыкуть уходить оть пылающего страшного пожара. Я стоял на серединь одеревьяной, какь столбь. Если бы оне вьглянул за мной, я, наверное, побьжаль бы прямо вь огонь. Но теперь, когда оне шли изь навстрьчу быстрымь ходомь, что то дрогнуло во мнь. На лица вьтговь, на вершукь ихь сабель падаль красный бьскеть огня».

Тьхо подиал я и штургеи и приулился вь срединь эскадрона. Блился победоленки вь срединь колонны, всего какихь нибудь три секунды Раздалась выстрьлять. Офицерь выткнул впередь сабамь, качнувшись, наклонился кь головь своей ашаки и тихо шептался на землю. Я тьмь временемь насадил на дузо штыкь. На меня наскочило сь крыками до двадцати солдать до двадцати сабель засерело у меня надь головь. Я столкьнул сь сьбда первого, который попался мнь, тьнуль штыкомь дьругого, но штыкь угодил вь пустое пространство. Туть вдругь послышалось мнь, точно зашвыпал сразу вь тридцати перьяхь, во все колокола. Потому я началь падать куда то, сверху вниз, сверху вниз, все ниже, все глубже... Звукь колоколовь стихнул, какь бы упали вь землю. Не знаю, какь долго продолжалось это».

«На минутку и пришел вь себя».

«Я чувствовал, что голова моя трещала, во тьбу ядуть страшнымь огнемь. Когда я приосеулся кь этому жьету руки, два пальца понали кь аму. Кровь, заливаемая широкой струей мои глаза, натекаящая вь волосы, вь роть, вь нось заклепалась».

«Я стьрел ее, какь моть, сь глазь, поднялся на кольени, отыскаль опую штургеи и, шатаясь, началь его заряжать, заряжать...»

«Мнь казалось, что я уже зарылеть его, приложить прикладомь кь щеке и сталь дьлать вь неприкрытой, корогатой, вьброитно, оже не было...»

«Но туть я снова посетьля вь какую то пропасть, все подеруши сьбрымь туманомь, вь которомь лежали красныя искры, длинныя, точно кровавыя иды...»

(Р. В.)

Смьсь.

Синьля японскаго микадо. Парижскій корреспонденть «Новь Дня» передаеть со словь профессора Леона Рони, что микадо Муцухито вь настоящее время настроенъ «исключкомь меланхолично», о чьмь можно судить по посльднимь, присланнымь Рони, стихамь микадо.

Авторь, припераживается излюбленной вь японскій литературе короткой формы поэзии,—ута, которая должна содержать не больше 40—50 слоговь и заключать какую нибудь одну мысль или положение».

Мой ученый собеседникъ, очевидно, не перевелъ мнѣ изь этихь стихотворень стихотворения микадо. Одно оначаеть:

«Шанкомь ли, верхомь, или по водь ты желалъ бы встрьтнуть смерть или ты предпочелъ бы ожидать ее у себя вь постелы?»—спросилъ мудрець. А юнона ответьствовало: «если мои вьтрьща сь смертью, можда быть полезна для моего родныхь, мода моей страны, я готовь помыслиться кь ней самымь быстрымь путемь, но иначе прощу тебь; отець, гонимь есь оть моего дома. Старикуь задумчиво поникь головою: вь томь именно бьла, что не знаеть человека, что полезнее для дьружьи—его»

«Другое стихотворение»

«Вынаеть, иеть дождь, но солнце освьщаеть землю черезь тьну. Бываеть также, что густая облака низко нависли надь землемь,—и дождя не падеть, но и не прохладеть. Что лучше? Не лучше ли ливень, за которымь немнучко следуеть солнце, чьмь вьблудеть безь надежды вь холодномь тумань?»